

Александр Шушеньков

Сон разума рождает

Муза

Произошла эта фантазмагорическая история в одну страшную и темную ночь в городе К., который когда-то в стародавние-былинные времена принадлежал Прусской империи, и был местом проживания одного известного писателя и еще более знаменитого философа.

Чем объяснить случившееся — Духом ли писателя-сказочника, или же — напротив — достижениями современного прогресса, что сказку сделал былью, не понятно, а только доподлинно известно, что все, что описывается ниже, любезный читатель, случилось на самом деле.

* * *

Город погружался в сон, на улице бушевала осенняя буря, глухо завывал ветер в трубе гостиницы, что возведена была на сохранившемся еще с прусских времен фундаменте, а в одном из номеров ее все не мог уснуть и страдал от творческого бесплодия Степан Иванович Сохатый — семидесятилетний писатель-«деревенщик».

В город К. приехал он по приглашению — как член жюри местного литературного конкурса. Конкурс был, конечно, не его масштаба: участники-любители, маленькие призы, да и денег за свое участия получил Сохатый немного ...

А, что делать, как говаривал Николай Гаврилович? Их, хоть и немного, а на дороге — не валяются! Это во времена СССР он был в силе, печатался в центральной прессе, издавался большими тиражами и получал хорошие гонорары.

А теперь?

Хочешь — жни, а хочешь — куй, все равно получишь — хрен! Теперь только низкопробные халтурщики — типа детективщицы Устиновой — гребут лопатой. Гонят туфту, а пипл — хавает! Страшное обывдление, примитивизм! Старые — к телевизорам прильнули, а молодежи — вообще, кроме Интернета ничего не надо. Читать же книги совсем перестали, козлы!

А раньше, бывало, поедешь в творческую командировочку от Союза в район — так там не только накормят-напоят, да выступление организуют, а еще и поклонницы за автографами в очередь выстраиваются!

Эх, скотинится народ, пропадает духовность — прямо на глазах истончается культурный слой! И скучно, елки-моталки, и грустно, твою мать, и некому руку подать. А время уходит, утекают жизненные соки.

Спешить, конечно — не следует, однако — кому, как не нам, будить массы?

Сохатый знал, что кроме него уже не осталось будителей.

Да и деньги нужны.

Он понимал, что нельзя терять ни минуты, поэтому, как всякий уважающий себя классик, в поездки брал ноутбук. Вот и сегодня снова пытался поработать над продолжением романа-дилогии «Серп и комбайн». Серьезная литература, глыбища, правда, пока народом не оцененная. И режиссеры спят, хотя писал и Михалкову, и Бондарчуку, и Бортко, и Говорухину. Они американцам подражают, на «Оскара» мылятся, а надо-то свое — общинное, исконное!

Ничего-ничего, придет время, и, как Некрасова будут хоронить — сплошным людским потоком. А пока ...

Пока, к сожалению, гонорар, полученный от спонсора — приятеля-банкира, почти иссяк. Причем, что особенно печально, и сам спонсор теперь бедствовал и скрывался от органов то ли в Магадане, то ли в Монако. А ведь какие надежды подавал! Ты, говорит, меня опиши, как какого-нибудь титана или стойка, а уж за мной — не заржавеет. А меня своя рука в Центробанке, мы с Улюкаевым вместе дно щупаем. И — сбежал.

А деньги кончились.

Приходится теперь — в его-то годы! — ездить в такую даль на конкурсы нелепые. А ведь село-то сейчас, ой, в какой беде! Ведь какие там теперь проблемы! И как все это можно поднаворотить, подзавертеть, черт побери! Такие пласты поднять!

Скупают теперь мать-землицу новые помещики. Стонет земледелец. А как он пьет с горя! Вот ведь проблема-то!

Может, тоже — того-с..?

Днем на обеде — по случаю приезда — от имени местных спонсоров-ликерщиков вручили коньяк. Пять звезд, три бутылки. И лимончики есть.

Вдохновиться по-бунински?

* * *

Степан Иванович ощущал, что месяцы, которые он после издания «Серпа и комбайна» провел в безмятежности и расслабленности, отбили у него способность творить. Более того: он не мог составить даже плохонький планчик. Тут, конечно, сыграло отвратную роль скандальное изгнание приходящей домработницы Матрены. Раньше-то, будучи городским жителем, Степан Иванович черпал свои сюжеты из ее рассказов о народной пейзажной жизни. А некоторое время назад приключилась у них ссора на почве ее обыдления, то есть крайней степени нахальства. Вздорная баба

возьми да и заяви, что, во-первых, ей предложили место няни у депутата областной Думы бизнесмена Валерия Тенистого — с денежным довольствием не в пример сохатовскому, лучшим, а во-вторых, Степаша ей надоел. Ей, дескать, хочется настоящей любви и замужества, а он — холоднокровный!

Быдло!

«Надоел», понимаешь ли, мерзавка!

А как теперь быть с продолжением диалогии? Опять искать деревенскую домработницу? Так ведь такую краснобайку попробуй, найди. И язык такой сочный, ядреный: «вымя», «колдоебина», «яровая озимь» ...

Степан Иванович раздумчиво прошелся по гостиничной комнате и посмотрел в темное окно. В черноте летели капли дождя вперемежку со снегом, и таким холодом могильным вдруг дохнуло на него из ночи, что он поневоле вздрогнул.

Гофман тут бывал, Кант жил где-то в этих местах ...

Жили, жили — да и померли. Вот тебе и вся «Критика чистого разума»! И где они теперь пописывают? Так вот когда-нибудь и за мной смерть придет, отчего-то влетела в череп внезапная мысль. Закопают в чернозем, и — все! И ведь — какие сволочи: через год-другой ни про него, ни про «Серп и комбайн» ни одна тварь не вспомнит.

Ну, погодите!

Ночь — самое время для творчества. По ночам больше тем, надо лишь простимулировать воображение. А главное — погода. Холод могильный. Значит, надо хлебнуть. Некрасов закладывал, и столько про деревню настрогал. Тургенев квасил. В такую погоду даже Бунин бы принял, не говоря уже о «красном графе»!

На душе стало теплее.

Да, видно — Судьба, вздохнул Степан Иванович, и (в интересах дела) взял в руки сосуд вдохновения.

* * *

Буря кончилась, и чья-то могучая волшебная рука расшвыряла в разные стороны с небосклона недавние тучи, да открыла Земле усыпанное звездами небо.

В гостиничном номере было темно, и тишину нарушал лишь классический храп писателя.

Две красивые коньячные бутылки — одна пустая, а другая — початая, тускло блестели на столике под лунным призрачным светом, что пробивался из окна.

Тут вдруг ударил старинный маятник, и с двенадцатым ударом его Сохатый пробудился.

* * *

В номере явно кто-то был.

Степан Иванович почувствовал это каким-то звериным шестым чувством, и, продолжая приходить в себя от сна, чуть приоткрыл глаза.

Главное, не показывать вида, что он не спит, и понять, что происходит.

Итак ...

В полумраке возле стола в кресле громоздилась черная фигура, лица которой было не разглядеть. Из-под балахона светились два тусклых зеленых огонька.

Глаза, что ли?

Что это за тип, панически подумал Сохатый.

Ворюга?

Как пробрался?

Почему к нему? Думает, что остались деньги от банкира?

Чушь: все потрачено.

Почти все ...

Приходится ездить на конкурсы за копейки.

Надо будет ему объяснить, что он ошибся.

Какие у писателя деньги?

А может, на помощь позвать?

Ага, пока докричишься, он тукнет чем-нибудь, да и убежит. И хорошо еще, если живым останешься. А может и в заложники взять, сволочь! И ведь как все не вовремя! Такой сюжет

только что снился об умирающей деревне — только записать осталось ...

— Ну, проснулся? — неожиданно скрипучим замогильным голосом спросила фигура и шевельнулась.

Ах, ты, черт побери, не иначе — пытаться собирается, сволочь!?

Может, коньяком задобрить?

Или — если уж пропадать — так лучше самому надраться до чертиков? А потом — и к Канту с Гофманом в гости можно!

Голова кружилась, перед глазами плыло.

Будь что будет, решил Сохатый. Он отважно протянул руку к ночнику над головой и зажег свет.

Господи, да что это такое, пронеслось в нетрезвом мозгу писателя.

Ночной гость (а вернее сказать, гостья) вид имел совершенно необычный. Это была огромная старуха — бородавчатая, морщинистая, одетая в землистого цвета заплатанное платье-рубище и черный траурный платок. Два зеленых глаза-огонька под платком, нос-ятаган, поросший седыми волосами, щетина под ним, широченный рот и острый продолговатый подбородок.

Вот так грабительница!

Настоящая Смерть!

Однако, хоть это и женщина, видно, что силой Бог не обидел: ишь, какие ручищи! Просто, таки,

натуральные лапы — как у кузнеца какого-нибудь.
Да и плечищи у ведьмы — ого-го!

Очень странно.

В одной руке у ночной гостьи была ...

Черт побери — коса!

Ржавая коса!

Сохатый почувствовал себя плохо.

Вот и доигрался. Какая-то сумасшедшая садистка забралась в номер, чтобы его прикончить косой.

А в другой руке — гусли.

А что там у нее за спиной?

За спиной колыхались черные стервятничьи крылья.

— Что, страшно? — каркнула гостья.

И тут пьяного писателя, который, надо признать, всегда был склонен к мистицизму, осенило: отписался.

Значит, не ввали умные люди: вот оно, как бывает!

Последнее видение ...

К каждому прилетает Старуха с косой!

Сколько лет уже прожил на свете?

Семьдесят.

Пора ...

Пушкин, вон — в тридцать семь, Лермонтов — в двадцать шесть... Гоголь недолго протянул, да и — Некрасов ...